

— Чья рота? — спросил князь Багратион у фейерверкера, стоявшего у ящиков.

Он спрашивал: «Чья рота?», а в сущности он спрашивал: «Уж не робеете ли вы тут?» И фейерверкер понял это.

— Капитана Тушина, ваше превосходительство, — вытягиваясь, закричал веселым голосом рыжий, с покрытым веснушками лицом, фейерверкер.

Л. Толстой. Война и мир

ГЛАВА 1

Молодое пополнение загнали на третий этаж мотострелкового батальона и построили в одну шеренгу. Высокий подтянутый капитан по фамилии Павлецов, в глазах которого поблескивали плутовские огоньки, свойственные главному хулиганистому мальчишке Марка Твена, пошел вдоль строя, внимательно всматриваясь в лица новоприбывших. Обладая большим опытом работы с людьми, он умел с первого взгляда определять пригодность того или иного солдата к службе в армии.

На этот раз Павлецов был почти доволен рекрутами. Обнаружив в шеренге низкорослого новобранца с затравленным выражением лица, капитан посчитал своим долгом остановиться и подрастить малого до славного малого без помощи моркови.

— Мал золотник, да дорог, — произнес Павлецов, и коротыш вытянулся на тридцать сантиметров как в собственных глазах, так и в глазах новых товарищей. — Боец, похожий на тебя лист в лист, при мне уложил двух чехов¹ штык-ножом, — продолжил капитан, и паренек посмотрел на офицера, как натуральный баскетболист на любимого тренера. — Из тебя выйдет отличный махра², ко мне в роту пойдешь, — заключил Павлецов и отошел от солдата, начавшего страдать гигантизмом.

Тем временем сержанты, словно глухонемые, выразительными жестами требовали у новобранцев деньги. Не вызывает сомнения, что старослужащие желали добра младшим товарищам. Не будь рядом капитана, сержанты с помощью матерного языка объяснили бы молодежи, что армия — это коммуна, в которой нет денежно-го обращения, так как двухлетний банкет пол-

ностью оплачен государством. Старослужащие обязательно рассказали бы призывникам также о том, что в среде военнослужащих нет рабов и господ, а все сплошь товарищи (это такая универсальная приставка) и всякие рядовые, лейтенанты и полковники (это такие звания для разнообразия). Не забыли бы сержанты упомянуть и о том, что в Вооруженных силах все так любят и уважают друг друга, что это становится уже совсем неприличным для воинственной среды, и поэтому старослужащие иногда пускают в ход кулаки — единственно для того, чтобы восстановить необходимое приличие. Словом, все это было бы объяснено новоприбывшим доступным языком, но рядом находился капитан, и в ходу был язык жестов.

Через какое-то время Павлецов заметил, что в казарме завелась глухонемая, и голосом, в котором чувствовалась уверенная мощь танковых гусениц, сразу занялся лечением сержантского состава:

— Рассосались отсюда, пучеглазые амебы, иначе в ваших челюстях образуются бреши. А тебе, Толканов, я вообще вылечу кариес, потому что именно зубы являются ареалом обитания этой болезни. По волшебному взмаху моей руки в твоей ротовой полости образуется не просто брешь, а целая просека.

— Что образуется, товарищ капитан? — спросил Толканов.

— Все... образуется, а теперь — исчезли!

Сержанты пробубнили избитое «вешайтесь, духи» и лениво направились в комнату досуга, бросая недовольные взгляды на молодежь. В это время из канцелярии донесся львиный рык. Казалось, Зевс-громовержец спустился с Олимпа на землю, чтобы распечь по телефону прапорщика с вещевого склада.

¹ Чеченский боевик (арм. сленг).

² Пехотинец (арм. сленг).

— Приехали... Приплыли...
Встряли... Попали, — пронес-
лось по шеренге.

Дверь канцелярии распах-
нулась настезь, и в проеме
появилась грузная фигура
азербайджанца с густыми ис-
синя-черными усами, которые
в углах мясистого рта водопа-
дом низвергались к низу. Его
бритая голова, водруженная
на массивную шею, думается,
никогда не знала поворотов.
Этого человека можно было
принять за турецкого янычара,
сказочного джина или монголь-
ского багатура времен Батыя.
Но исполин в военной форме с
погонами подполковника являл-
ся не кем иным, как комбатом
учебного мотострелкового бат-
альона. Он не посмотрел на
шеренгу новобранцев и даже
не окинул ее властным взором.
Не возникало и тени сомнения,
что этот человек был рожден
единственно для того, чтобы
свысока обозревать вверенные
ему владения и движениями
глубоко нависших над глаза-
ми бровей управлять своими
подданными. В батальоне ему
принадлежало все: имущество,
вооружение, техника, солда-
ты, мысли и сны солдат. Зака-
ленный омским ВОКУ¹ имени
Фрунзе, где готовились поле-
вые офицеры для ведения боевых действий в лю-
бых условиях и поднимались на смех выпускники
московского ВОКУ имени 8 Марта, пригодные
лишь для того, чтобы маршировать на парадах
в отглаженных хромовых сапогах и щегольских
фуражках с высоко задранными тульями, — он
многое знал и умел, все прошел и видел людей
насквозь. Не всегда правильная, но яркая и выра-
зительная речь, пересыпанная грубыми шутками
и остротами, духовым оркестром неслась из его
горла безо всякого азербайджанского акцента и
при случае могла заглушить орудийную канона-
ду. Хитрая улыбка, регулярно выползавшая на его
лицо, казалось, говорила: «Ведь и знаю вас, суки-
ных детей, а все равно люблю».

¹ Высшее общевойсковое командное училище.

Рисунок Марины Медведевой

— Добро пожаловать в чистилище, сынки! —
дружелюбно пророкотал голос комбата в казар-
ме, но призывники вздрогнули. — Я оторву вас
от мамкиной титьки и тяткиного кармана и научу
быстро, правильно и лаконично служить Родине!
Обещаю, что вы даже сделаете пиф-паф из
АК-74, если до присяги не ударитесь в бега! У кого
в прямой кишке забаррикадировались домашние
пирожки, советую в ближайшее время посетить
сортир. Отныне вы будете гадить только тем, что
вам предложит армия! Это не всегда вкусно, но
всегда недосолено! Ясно?!

— Так точно!.. Да!.. Ага! — вразнобой отреаги-
ровала шеренга.

— Видели голову пса на входе в баталь-
он?! — продолжил комбат. — Это не простой, а
бешеный пес неизвестной породы! Ваши пред-

шественники заработали вам право называться гвардейцами после антитеррористической операции в Чечне! Хасавюрт, Моздок, Минеральный, Кень-Юрт, Толстой-Юрт, Гудермес, Курчалой, Автуры, Борзой и Дарго — места, по которым мы прошли с честью, выполнив свой долг! Долг и честь — девиз ББР¹! Тот из вас, кто уронит марку, будет расстрелян на месте! Вы станете проклинать каждый день, проведенный здесь, но по прибытии в другую часть закидаете благодарственными письмами батальон Джалилова! Уже через месяц вашим потом я затоплю КНР, через три — планету Земля! Предстоящая зима станет последней для инфантильных мальчиков в шортах и первой для настоящих мужчин! У кого права категории «С» или корочки тракториста — переместились на левый фланг! У кого высшее или хоть какое-нибудь образование — отошли на правый!.. Дежурный!

— Я! — откликнулся младший сержант Кель.

— Сгорел за старшим лейтенантом Когановым!

Пусть поднимается отбирать людей!

— Есть! — крикнул Кель и растаял в воздухе.

Через два часа после спича комбата молодое пополнение раскидали по этажам. Повезло только тем новобранцам, которых распределили в автомобильную роту. Хотелось бы сказать, что ребятам, попавшим к «богу войны» и «царице полей», повезло чуть меньше, но не станем лукавить перед читателем. Сержантский состав артиллерии и пехоты, выживший в кошмаре читинских учебок и частично из ума, представлял собой скопище голворезов.

Это может показаться удивительным, но совсем недавно глубоко верующие люди, строящие взаимоотношения с другими на основе евангельских заповедей, могли бы позавидовать недавним курсантам, а ныне сержантам нашего батальона. Смирение в атмосфере ежедневных издевательств было первоочередным условием выживания в читинских учебках. Молодые солдаты, попадавшие туда служить, быстро учились глушить в себе ненависть, потому что каждую секунду, днем и ночью, хотелось не просто ударить своего командира отделения, а мертвой хваткой вцепиться в глотку истязателя, а это уже тюрма.

Первый этаж. Автомобильная рота. 14:30.

— Добро пожаловать в автомобильную роту! — поприветствовал новобранцев комроты капитан Земенко, уже успевший обмыть пополнение. — Артиллерия и пехота — это балласт, даром жру-

щий хлеб налогоплательщика. Там только и умеют, что бездумно лупить в небо и бегать, как идиоты. Да, ваши руки будут по локти в мазуте, зато скоро научитесь беседовать с техникой на «ты». Водитель — самая почетная профессия в армии, потому что при перевозке личного состава у каждого из вас в кузове будут сидеть десятки недоделков с других этажей! Их вонючие жизни целиком в ваших руках. Когда вас будут называть колесами — гордитесь. Содержимое вещмешков — на пол. Оставить только мыльно-рыльные принадлежности, остальное — в расход.

Третий этаж. Мотострелковая рота. 14:30.

— Добро пожаловать в пехоту! — произнес знакомый нам капитан Павлецов, который, как и Земенко, тоже успел где-то нагрузиться. — Долгоиграющий ручник и дульный тормоз компенсатора — это авторота с первого этажа. Их жалкий удел — вонючая соляра и прозябание в боксах. Благородная полевая пыль на форме — это далеко не пыль, а золотое напыление. Пехотинцы делают победы, остальные могут наделать только в штаны. Тупо запомните это! Ваш главный враг — артиллерия. Спуску ей не давать, иначе будете жрать в противогазах, а спать в ОЗК². Вы можете сбить шаг на плацу без последствий для себя, если врежетесь в гущу фейерверкеров³ и расстроите их ряды. Предупреждаю всех, что этих обезьян неплохо готовят. Берите количеством, вашу мать! Тупо запомните, что пехота берет массой! Пехота — от слова «много», поэтому нет ничего зазорного, если трое наших прессуют одного чужака, у которого на петлицах «палец о палец не ударил». Скоро эти обормоты одыбаются после гражданки и начнут задирать вас при каждом удобном случае, дразнить махоркой. Последний из артиллеристов никогда не уступит пехотинцу, потому что, кроме комбата, своих взводных и сержантов, они никого не боятся. Их натаскивают, как бойцовых собак. Вы для них — красная тряпка. Тупо запомните, что они еще не успели сюда попасть, а уже ненавидели вас. Эта вражда тянется давно. Когда-нибудь я расскажу вам, с чего все началось, а сейчас содержимое вещмешков — на пол. Оставить только мыльно-рыльные принадлежности, остальное — в расход.

Второй этаж. Артиллерийская батарея. 14:30.

— Добро пожаловать в отдельные артиллерийские взводы, малыши! — произнес помощник командира батальона по артиллерии старший лейтенант Коганов, тоже малость нетрезвый. —

² Общевойсковой защитный комплект.

³ Артиллерист (арм. сленг).

¹ Бригада быстрого реагирования.

Фейерверкеры — это вам не в тапки гадить. Знаете, как я отсеивал вас от остального сброда? Я набирал себе либо сильных, либо умных, либо два в одном, как в рекламе. Отбросы достались остальным. Про недоносков из автороты, рожденных от аккумулятора и выхлопной трубы, не стоит говорить много. Колеса — поносно-желтое пятно на теле батальона. Ваш враг № 1 — вшивая махра. При каждом столкновении с ней нас будет на три человека меньше, но тот из вас, кто покажет тыл этим собакам, схлопочет по заправку. На черном поле артиллерийских петличек скрестились пушки, чуть выше которых я должен всегда лицезреть черепа пехотинцев с третьего этажа. Чтобы был полноценный веселый Роджер — ясно?! Зарубите себе на носу, что вы — интеллектуальная элита современной армии. Берите хитростью и маневром, воюйте мозгами. С этого дня я буду насиловать вас марш-бросками по полной выкладке, истязать зубрежкой уставов и ТТХ¹ минометов и гаубиц. Я заставлю вас так чеканить шаг на плацу, что на другом конце земного шара, прямо под нами на аборигенов будут сыпаться бананы. Слова «не хочу» и «не могу» отныне заменяются на словосочетания «не хочу, но есть, товарищ старший лейтенант», «не буду, но так точно, товарищ старший лейтенант». Эти словосочетания — законы для фейерверкера. Они могут быть незначительно изменены только тогда, когда мне присвоят очередное звание. Затешите себе на извилинах, что лучше быть последним среди львов, чем первым среди шакалов. А теперь оставить только мыльно-рыльные принадлежности, остальное — в расход.

Аляпистые речи офицеров, напичканные пьяным пафосом, не зажгли новобранцев.

Часть солдат решила, что офицеры шутят, так как с такими словами обращаются только к американским морским пехотинцам перед боем, да и то только в военных фильмах, а не в жизни. Они бравым видом дали понять, что выпады в адрес солдат с других этажей оценены по достоинству, а теперь было бы неплохо начать устраиваться на новом месте.

Другая часть солдат решила, что офицеры немного не в себе, так как не видели никаких оснований в том, чтобы презирать человека только потому, что его поселили этажом выше или ниже. Они с уважением выслушали командиров, но напоминать ничего не стали, потому что запоминать, на их взгляд, пока было нечего.

Прошло три недели с момента прибытия первых призывников, и батальон был полностью укомплектован. До присяги, когда идет курс молодого бойца, солдаты именуются запахами и малоинтересны. Ревниво охраняемое сержантами-волкодавами стадо баранов — и все тут. Отбой-подъем, казарма-столовая — вот исчерпывающий перечень маршрутов новобранцев во времени и пространстве. Вокруг никому нет никакого дела до того, что кто-то уже умудрился натереть мозоли на ногах, гнусит по поводу жесткого распорядка дня и грезит о котлетах. Чай, не пионерский лагерь. Концентрационный, быть может? Нет, и не концентрационный, а золотая середина между данными лагерями, которая находится, если зреть не в корень, как советует Козьма Прутков, а в суффиксы слов «пленительный» и «пленный». Это автор к тому, что не стоит искать корень армейского зла, иначе мы будем в корне не правы. Лучше поищем проблему в суффиксе, тогда, даст бог, и доползем до благополучного окончания... нашей истории.

Наверняка читателю не терпится познакомиться с главными героями романа. Автору тоже не придется представить ребят, но на страницах рукописи введено военное положение. Из ставки Верховного Главнокомандующего получен письменный приказ: «Для просвещения читателя просветить мотострелковый батальон рентгеном в режиме реального времени с целью показа общего плана». Автор обязан подчиниться, иначе, чего доброго, его еще поставят к стенке.

Итак, читатель смотрит, писатель комментирует...

Один час до отбоя. Сотни людей в грязно-белом нательном белье в разных направлениях пересекают казармы, ловко огибая попадающихся на пути сержантов, потому что боже молодых солдат сохрани от столкновения со священными коровами учебки.

Только три курсанта (по одному на каждом этаже) недвижимо стоят на тумбочках² дневальных.

Один из дневальных, автомобилист с первого этажа, беспрестанно напрягает подбородок на пару с шеей и расширяет ноздри, как лошадь во время ржання. Этим проверенным способом солдат жестоко подавляет просящиеся изо рта звуки зевоты, словно имеет дело не с потребностью организма во сне, а с восстанием.

¹ Тактико-технические характеристики.

² В данном случае — невысокий постамент, на котором стоит дневальный по роте.

Другой дневальный, артиллерист со второго этажа, постоянно похлопывает себя по левому бедру. Это он делает для того, чтобы убедиться в том, что свисающий с ремня штык-нож никуда не делся, так как за потерю холодного оружия обещали наказать, как за пропажу гаубицы.

Третий дневальный, пехотинец с третьего этажа, заложив руки за голову, скрестив ноги и навалившись на стену, в данный момент играет со смертью, потому что стоять в такой позе на тумбочке нельзя. Если этого парня мысленно перевести в горизонтальное положение, подсунуть ему под спину шезлонг, стянуть с него военную форму и переместить его на лазурное побережье, то он вполне может сойти за молодого отдыхающего господина. Но он товарищ. И не просто товарищ, а товарищ солдат, который прекрасно знает, что его в любую секунду могут увидеть в такой фривольной позе и жестоко наказать. Только в этом-то и состоит вся прелесть игры. Просто после скучного полуторачасового стояния парню вдруг захотелось адреналина, и он решил, что при желании тумбочка дневального может дать не меньше острых ощущений, чем, например, купание с аллигатором или прыжок с парашютом. По сверкающей холодной росе, выпавшей на лбу бойца, сразу видно, что он готов присягнуть еще до присяги на любом бумажном носителе от армейского туалетного папируса, причиняющего боль мягкому месту, до Библии, что ему никогда не было так хорошо и страшно, как сейчас.

Глядя на дневальных, так и хочется сказать: «Вы бы сейчас на себя со стороны посмотрели». Но это лишнее, потому что каждый из них только и делает, что разглядывает себя во весь рост в большом прямоугольном зеркале, над которым красными буквами написано: «Заправься!» Дневальные мысленно пытаются ускорить ход времени, но оно никуда не бежит и даже не идет, а стоит себе на часах, как и они.

То тут, то там мелькают бордовые повязки, носителями которых являются дежурные по ротам. Кстати, сейчас к одному из них — сержанту пехоты Хлудову — из разных концов казармы сломя голову несутся курсанты из числа дневальных свободной смены, чтобы получить очередную порцию приказаний или ударов по челюсти.

Интересно, а кто это в неурочный час уже оккупировал койки и сладко зевает, смакуя во рту шоколады и мармелады? Кого обслуживают слоны, срок службы которых перевалил за полгода, и охраняют черпаки, коим остался год до демобилизации? Конечно, речь идет о дедах, в руках которых сосредоточена вся власть, потому что нигде

так не чтут старость, как в армии. Молодым пожилым людям давно опротивело целыми днями заниматься бездельем, и многие из них, вполне допускаем, даже мечтают потрудиться на ниве мытья полов, но им категорически запрещено контактировать со шваброй, иначе они покроют свое имя несмываемым позором и обесчестят неприкасаемую касту старослужащих.

Но вот на втором этаже вдруг исчезли почти все солдаты. Что же случилось в артиллерии? Читатель, нет никаких оснований для волнения, потому что не успели мы и глазом моргнуть, как зимний головной убор замкомвзвода Саркисяна стремительно полетел на пол вперегонки с духами. Шапка не успеет достигнуть горизонтальной поверхности, а ее в упоре лежа уже будут ждать курсанты — да так, надо отметить, долго, что только в русских сказках можно найти точное определение такому промежутку времени одним словом. Одним словом, давным-давно. Молодежь будет отжиматься до тех пор, пока из нее не выйдет весь суворовский чудо-пот, который, как известно, кровь бережет. Старший сержант Саркисян по прозвищу Армян не уймется, пока не выцедит из своих подчиненных все до последней капли. Просто он хочет на практике доказать сержанту Кузельцову, что можно без всяких «ТЭЦов, ГЭСов и ШМЭСов» повысить температуру в казарме на четыре градуса, потому что артиллерийская батарея, по его словам, должна греть не хуже чугунной. Автор по секрету скажет, что в тот вечер, который мы выбрали для наблюдения, Армян не добьется достаточной теплоотдачи от курсантских организмов. Ртутный столбик казарменного термометра не только не поползет вверх, но и вообще опустится на два деления вниз из-за сильного уличного мороза, начавшего за тяжной штурм батальона еще в полдень.

Пока товарищ Цельсий на пару с товарищем Фаренгейтом поминаются солдатским лихом, переключимся на третий этаж. Пехотинцы, которых здесь что сельди в бочке, уверены, что первостатейное зловоние, которое источают их портянки, можно смело запирать в медицинские склянки и применять не только как нашатырь, но и в другом, более смелом качестве. Если понадобится, солдаты с третьего этажа даже готовы дать голову на отсечение, что их портяночный запах можно использовать не только для приведения людей в чувство, но и для воскрешения мертвецов. Автору остается только надеяться, что те доктора медицины, которые после прочтения этой рукописи непременно захотят претворить в жизнь пехотный метод оживления трупов, как-нибудь изловчатся

взять с каждого усопшего слово, что после возвращения к жизни тот не будет вести себя как последний зомби. А то, что ученые мужи не забудут упомянуть махру с третьего этажа в своей нобелевской речи, мы даже не сомневаемся. Офицеры, прапорщики и сержанты пехоты не используют изощренные способы приведения курсантов к общему знаменателю, как это делают в богатой на выдумку артиллерии. На третьем этаже просто методично и жестоко бьют молодое пополнение. Увидев среднестатистического пехотинца, сама примитивность, не задумываясь, написала бы рапорт об увольнении в запас в связи с приходом достойной смены.

Теперь обратим внимание на бытовку пехотинцев. Там как раз полным ходом идет восстание. Первое и последнее за всю историю учебки. Мятеж обречен на поражение, несмотря на то, что вчера вся рота договорилась выступить единым фронтом против ненавистной сержантской диктатуры. В общем, поднялись только дагестанцы. Сожжем дипломную работу «О причинах провала Великой декабрьской дагестанской революции» до курсовой. Нет, до реферата. Нет, пожалуй, донельзя. Две причины. Во-первых, малочисленность восставших. Во-вторых, ненависть русских всех призывов к дагестанцам. Итак, два замкомвзвода — Толканов и Баскимпиров — молча вертятся волчком и раздают удары направо и налево. Оба знают, что подкрепления не будет, так как другие сержанты заперты в каптерке. Дагестанцы визжат от злобной радости. Рано. Толкан, кажется, решается на прорыв. Расставив руки наподобие самолетных крыльев, он, подобно отважному Гастелло, пикирует на бунтовщиков, опутывает себя противником, крикает, трещит в области подмышек, кренится на левый бок и валится на пол со всей рвущей его на куски братией. Баскимпир взлетает на кучу, организованную Толканом, и думает: «Друг, ты погиб с пользой для контрреволюции». Хотя нет, он ничего такого не думает. Ему некогда, а главное, нечем думать.

Несколько секунд постояв на кургане, напоминавшем клубок копошившихся дождевых червей, Баскимпир бросился к двери бытовки. Там его встретил дагестанец из третьего взвода со шваброй в руках. Кавказский «хлеб-соль» оказался не по зубам Баскимпиру. Семечки белого цвета посыпались изо рта Баскимпира на пол, и сержант, никогда не имевший проблем ни с буквой «р», ни с буквой «с», ни с буквой закона, вдруг, сплевывая кровь, прошепелявил:

— Ш догоги... шука!

Обращение «сука» не понравилось гордому сыну гор, и он двумя боковыми ударами превратил уши сержанта в локаторные установки, надеясь на то, что теперь ненавистного Баскимпирова наверняка переведут из пехоты в войска противовоздушной обороны. Как бы не так! Баскимпиров был рожден махрой, но умирать им отнюдь не собирался. Он никогда не сдавался без борьбы. Греко-римской. Страшной в применении кандидата в мастера спорта. Отчаянные удары ладонью по полу не помогли дагестанцу. Баскимпиров мял и ломал зарвавшегося духа, пока не дождался заискивающего возгласа:

— Товарыщ сэржант, все, все! Большэ нэ буду!

Оказавшись в расположении, заплывший от синяков Баскимпиров засеменял к каптерке. Он по-волчьи озирался по сторонам. Никто не посмел встать у него на пути. У духов пехотной роты, не поддержавших дагестанцев, продолжалась плановая подготовка к завтрашнему дню. Под бочком у революции молодежь продолжала спокойно бриться, подшиваться, гладиться, стричься и пописывать письма мамам и любимым. На сержанта обратили внимание лишь два подшивавшихся духа.

— Ништяковский у него шеврон с бешеным псом, да? — спросил один.

— Ага, а мы какую-то красно-бело-синюю хрень на плече носим, — подтвердил второй.

Наконец пришло время обратить внимание на автороту. Вот подразделение, на котором отдохнут наши глаза и успокоится учащенный пульс, ведь колеса — это, скорее, содружество мастеров, чем воинов. Поразительно, как офицерам с бабочками на петлицах из года в год удается сосредоточить в одной куче столько парней, знакомых с разными ремеслами. В автороте есть краснодеревщики, плотники, парикмахеры, каменщики, монтажники, сварщики, штукатуры, маляры, художники, сапожники, специалисты по наколкам, повара и, конечно, автослесари. Посмотрите, как, сидя на табуретах, корпят и сопят за порученной работой сгорбленные духи. Не хотелось бы на кого-нибудь наговаривать, но вон те, в отличие от вот этих, кажется, бессовестно кемарят, ведь сержанты в автомобильной роте — пустая формальность. Они не смотрят, а присматривают за курсантами, не ругают, а поругивают недисциплинированных воинов, не стучат, а постукивают душками от кроватей по бритым головкам. Прямо детский сад «Курсантик». Что-то не так. Да, это действительно обманчивое благополучие.

Все было бы просто замечательно, если бы не обитал на первом этаже дракон о тринадцати бесшабашных головах. Рентген здесь бессилен, пото-

му что взвода материального обеспечения (обоз, хозбанда) в казарме нет; там от него и след про-
стыл, заचाх и скоропостижно скончался. Хозбан-
да с подъема до отбоя без усталы рыщет по лицу
бригады в поисках славы Герострата. Легендами
о похождениях чертовой дюжины можно снабдить
целые писательские артели. Взглянем на форму
этих тринадцати солдат. Первое, что бросается
в глаза, — это бляхи на их ремнях. Бляха-муха,
какие бляхи! Золотые осколки, отколупанные от
солнца, — вот какие бляхи! А сапоги?! Сапоги на-
чищены до такой степени, в которую не решится
возвести число даже калькулятор. В сапогах взво-
да материального обеспечения читатель сможет
разглядеть не только собственное лицо, но и цвет
своих глаз — вот как блестят сапоги! Китель, шта-
ны и бушлаты воинов обоза, однако, подгадили,
но не то, чтобы совсем. То есть даже совсем не
подгадили! Да, форма хозбанды полностью вы-
цвела, на ней не увидишь фабричных маскиро-
вочных пятен, зато на штанах и кителях ВМО в из-
обилии имеются пятна от бензина, краски, мазута,
извести, жира — словом, всевозможные пятна
как низкого, так и высокого происхождения. В ар-
сенале тринадцати головорезов есть абсолютно
все — от ржавых гвоздей до мобильных телефо-
нов предпоследней модели. Своим безбедным
существованием обоз, в котором все солдаты, за
исключением замкомвзвода, являются рядовыми,
не перестает опровергать, казалось бы, непре-
ложную истину о том, что в армии все разворова-
но. Стало быть, не все. Оказывается, есть еще по-
рох в пороховницах, бензин в бензобаках и мука в
сусеках благодаря служебному рвению странных
офицеров и прапорщиков, которые идут супротив
народного мнения. Какого мнения? А такого очень
распространенного мнения, что казнокрадство в
России — это не просто хорошо, но и, вне всякого
сомнения, — святое дело, за которое отпустится
множество грехов.

На разводе беседа комбата с хозбандой неиз-
бежна. Для примера вырвем один день, когда все
парни из ВМО в сборе, и посмотрим, что творится
на плацу.

— ...В походную колонну! Повзводно! В направ-
лении батальона правое плечо вперед — марш! —
отдал команду комбат.

Автомобильные, артиллерийские и пехотные
колонны, похожие на гигантских сороконожек,
браво двинули в сторону теплых казарм. В хвосте
маршировавшего ПТУР-взвода вдруг завелся ора-
кул с морской фамилией Скатов; он зевнул и вяло
произнес:

— А ща батя рявкнет: «Обоз — ко мне».

— Обоз — ко мне! — тут же рявкнул комбат.

— А теперь: «Бегом марш, власовцы!».

— Бегом марш, власовцы!

— Басмачи.

— Басмачи!

— Дебилы, эсэсовцы, недоноски.

— Дебилы, недоноски, эсэсовцы!

— Обозное отродье.

— Обозное отребье!

— Стареешь, батя, — прокомментировал Ска-
тов. — Ошибка на втором слове. Поправься-ка.

— Ни хрена! — взревел комбат. — Вы не отре-
бье! Вы хуже! Вы отродье!

— Порядок, батя. А ща поимей-ка Буянова. Это
он. Больше некому.

— Буянов!!! Опять ты! Кто бы, сука, сомневал-
ся?! Больше ведь у нас некому! Ко мне!

У тринадцатиголового дракона учебки отвали-
лась самая лихая голова, строевым шагом подка-
тилась к ногам командира батальона и поникла.

— Моему терпению пришел конец, Буян! — за-
явил комбат своему рядовому уже, наверное, в
юбилейный тысячный раз со дня их знакомства. —
На дизель¹ попрешь! Не я ли третьего дня отмазал
тебя перед зампотылом?! Знаешь, каких трудов
мне это стоит каждый раз?!

— Больших, тарищ полковник, — отвечивал
Буянов, придав значительный вес слову «больших»,
как будто именно это имело сейчас первостепен-
ное значение и он готов убить всякого, кто вдруг
считает, что комбату это стоит малых трудов.

— Для чего напоил прапора с вещевого склада?

— Для дела, тарищ полковник, — резко подняв
голову и сверкнув глазами, с допустимой долей
дерзости в голосе произнес Буянов. — Сами же
говорили, что в махре трех ОЗК не хватает.

— В башке у тебя не хватает! — прокричал ком-
бат и понизил голос: — Прапор доволен? Не попа-
дется на разбазаривании?

— Так точно! Никак нет! — по форме выдал
нарушитель дисциплины, и все его лицо так и ды-
шало большой и чистой, но по воле проклятого
рока — неразделенной любовью к Уставу Воору-
женных сил.

— Че «так точно»? Че «никак нет», идиот?!

— Ответ на первый вопрос — так точно, на вто-
рой — никак нет.

— Молодцом, Буян. — В противовес похвале от
комбата последовал удар ногой в голень, и солдат,
вскрикнув, с разворотом полетел на плац с пере-
кошенным от боли лицом, умудрившись в падении
подмигнуть товарищам, что, мол, сейчас больше

¹ Дисциплинарный батальон (арм. сленг).

играю, так как вскользь пришлось и вообще тебя, кажется, не все знает. — А по-другому с тобой никак, потому что ты, один хрен, урод. Ты поклялся мне, что больше ни капли, а вчера ночью три обожратых в хлам архаровца во главе с тобой сожгли американский флаг в защиту США на крыше третьего батальона! Недоумок! США — это Со-единенные Штаты Америки! Это как если бы ты вырвал из груди сердце в защиту тела!

Обозники тяжело вздохнули, но это было одно лишь притворство. «Хороший ты мужик, батя, — подумали они, — но в международной политике не шаришь. Если пьяный Буян, посмотрев новости, говорит, что американцев пора спасать от самих себя, значит, так оно и есть, потому как Буян — политик от Бога. Он добыл ОЗК для махры, а в этом деле без политики никак».

— А потом, значит, свесили ноги с крыши и ну беседовать с Полярной-то звездой, — продолжил комбат и всплеснул руками. — Ба-а-а, а она им прямо отвечает, подмигивает. Недоноски! Благодарите Бога, что дежурного по части это позабавило, иначе — труба! Говорили-говорили, изливались-изливались, в любви звезде объяснялись, а потом безобидное светило чем-то даунам не угодило, и они начали его матом крыть, прицельно харкаться в небо. Дежурный утверждал, что били не без прямой наводки, только харчки вместо космоса все как-то к земле прибывало. Для того, наверное, и костерили, чтобы потом со слезами на глазах прощение у звездочки просить. Ведь было же, вашу мать?! И прекрасной-то стала звезда распрекрасной, и полярной-то располярной.

— Так звезда-то по всему маршальская, а может, и больше, — ляпнул замкомвзвода по прозвищу Мурзилка, единственный сержант в хозбанде.

Мурзилка был инфантильным, добродушным и не в меру словоохотливым солдатом. Язык редко доводил его до Киева, бросая на произвол судьбы где-то на границе Украины и России.

— Тогда держи привет от маршала Господа Бога, — спокойно произнес комбат и с размаху опустил на шею Мурзилки ладонь, в которой баскетбольный мяч казался теннисным шариком. — Что передать Всевышнему, сынок?

— Откат нормальный, тащ полковник!

— Смирно! — скомандовал Джалилов, и подбородки солдат одновременно взметнулись к небу. — Я еще не закончил. Думаете, что комбат не в курсе? Кто из вашего тупорылого стада подогнал на КПП трех проституток для духа из автороты? Ты, Зыря? Или ты, Зидан? Нет, у вас мозгов бы

не хватило. Тут почерк Юры Питерского, нашего интеллигента с Мойки.

— Мойки, товарищ подполковник, — вежливо поправил Юрик.

— Ах, с Мойки... Вон оно как... Тогда держи привет от твоего земляка Сан Сергеича Пушкина из соседнего подъезда.

— Товарищ подполковник, вам, наверное, еще не все доложили. — В глазах Юрика плеснулась печаль, губы его дрогнули. — Товарищ подполковник, не могу знать, как и сказать.

— Что опять, дебил?

— Совсем недавно... по геологическим меркам полсекунды назад, великий поэт погиб в локальном конфликте с Дантесом. — С бесстрастным выражением лица взошел Юрик на эшафот, ликуя в душе, что сегодня его гильотинируют не тупо, как обычно, а с уважением за предсмертный юмор, как Дантона.

— Пушкин жил! — Затрещина. — Пушкин жив! — Затрещина. — Пушкин будет жить! — Затрещина. — Что нацарапать поэту в ответ, сынок?

— Откат нормальный, товарищ подполковник. А еще напишите, что весь он не умер, что душа в заветной лире его прах пережила и тленья убежала... Только у нас не подъезды. Парадные у нас.

— У вас подъезды, ублюдок!.. Петербург — Ленинград! — Затрещина. — Парадная — подъезд! — Затрещина. — Дайте три булки — дайте три хлеба, продавец! — Затрещина. — Доволен?! — крикнул комбат что есть силы, и обозники, чтобы не оглохнуть, предусмотрительно открыли рты, как это делают артиллеристы во время выстрела из пушки. — Парнишка недавно призвался, а они ему — развратных девок на золотом блюде с голубым кантом!

— Так у парнишки с женщиной ни разу, — заметил медлительный и с виду такой смирный солдат по прозвищу Колобок, от которого мудрый народ всегда предостерегает другой народ известной поговоркой: «В тихом омуте черти водятся».

— И что с того?! — рассвирепел комбат. — Не в ту степь вы сердобольность направили! Три проститутки!

Глухое ворчание в шеренгах:

— Говорили Юрику, что одной по-за глаза бы хватило... Ну максимум две... Да, две еще куда ни шло... А он: давай три, давай три...

Разнос ВМО мог продолжаться до бесконечности, но стоять на плацу было холодно, и Мурзилка решил сократить гнев комбата в числителе с раскаянием хозбанды в знаменателе по всем правилам сокращения армейских дробей. Он обвел

взглядом товарищей и с самоуничижением произнес:

— Виноваты, тащ полковник. Готовы понести любое наказание. — По лицу комбата было видно, что пока что его гнев не собирается сводиться к минимуму, и Мурзилка продолжил: — Взво-о-од, заправиться! Подтянуть ремни! Общая команда — шомпол!

Наступила решительная минута. Флибустьеры учебки вытянулись в струну. На физиономиях парней высветилась собака преданность со щепоткой лукавства, и комбат, расплескавший гнев, размяк. Он по-отцовски любил обоз. Случалось, и поколачивал парней, не сортируя их на правых и виноватых, бранил их последними словами, но с пеной у рта защищал чертову дюжину всюду и везде. Самое интересное, что он даже самому себе боялся признаться в том, что каждая изощренная проделка хозбанды наполняет его сердце гордостью. «Эсэсовцы, недоноски, дебилы!» — распекал он парней на плацу, но эхо в глубине офицерской души почему-то отзывалось: «Орлы, соколы, кречеты мои степные!»

Комбат не сомневался, что если вдруг закинут батальон в горячую точку, то у него уже имеются в наличии и разведвзвод, и надежный тыл, и мародеры не без понятий Робин Гуда — словом, все, все, как в мультике про Винни-Пуха. Только в разговоре с ВМО Джалилов мог позволить себе расслабиться и даже пожаловаться на службу, но опасаясь, что подчиненные обнаглеют до панибратства. Вот и сегодня:

— Проверка на носу. Генералы нагрянут, лампасы гребаные. Подкрасить, подбелить бы казармы, так ведь нечем. В парке на двух гашэшэ¹ аккумуляторов нет...

Не станем приводить весь список необходимых запчастей и материалов, перечисленных комбатом личной гвардии. С быстротой спецкоров последняя шеренга, состоявшая из слонов, заносила в блокноты каждое слово подполковника Джалилова, по доброй традиции округляя неточные количественные данные по требуемой краске, замазке, извести, листов ДВП до большей величины. Поставленные задачи (на сленге учебки — нарезанные деляны) были не по силам целому батальону, но комбат не сомневался, что обоз с его обширными связями и воровским талантом достанет все, что надо. Выменяют, выпросят, выбьют, украдут, выиграют в карты, конфискуют, купят. Словом, к самому черту нагрянут на бутылочку беленькой, но все принесут, потому что

они — последняя инстанция, в которую обращается батя, когда его честь висит на волоске. Пока вечно озабоченные слоны строчили в блокнотах, черпаки и деды составляли план действий. Последний забулдыга из ВМО теперь знал, что после того, как комбат распустит взвод, вступит в силу сухой закон, и горе тому, кто нарушит правило: «Ни капли в рот, когда обоз выступает в поход». На офицерском совещании подполковник Джалилов бросит: «Гвардия на чрезвычайном положении в течение пары-тройки дней, плюс сутки отдыха на зимних квартирах». Если перевести эту фразу на гражданский язык, то получится примерно следующее: «Взвод будет отсутствовать столько, сколько нужно. С этой минуты для ВМО никаких проверок, разводов и прочего. Когда выполнят поставленные задачи, запереть их в каптерке на двадцать четыре часа. Двадцать четыре часа — понятие растяжимое. Растяжимое до тридцати шести часов. Дайте оболтусам проспаться, а то выйдет как в прошлый раз, когда полупьяное стадо вывалило на плац в 6:15, взяло в заложники трусившую мимо собаку и потребовала гасконский берет Боярского на дембельскую парадную форму рядовому Буянову. Благо не одряхлевшую Констанцию черт знает какой выдержки. Благо тогда я присутствовал на подъеме лично». Вот такой получился нелегальный штатский перевод.

Ох уж эта мне всемирная история! Прямо никуда без нее. Редкий автор не любит нырнуть в Марианскую глубину веков. Золотые слитки прошлого покоятся под толщей Леты, и многие писатели при случае так и норовят покопаться на дне реки времени и забвения, чтобы выудить из ила какого-нибудь Гомера и по щекам отхлестать цитатами из «Илиады» самоуверенного собеседника. Ваш скромный слуга не является исключением из правил. В плане «порыться в истории» он ненасытен до обжорства. Пусть гурманы вкушают римского Цезаря и запивают его кардиналом Ришелье, а мы привыкли лопать простую гречневую кашу, но досыта. Чтобы не наскучить читателю, постараемся быть краткими, как полковник Путин, который служил Отечеству президентом в том же самом году, что и солдаты второго мотострелкового. Итак, если провести исторические параллели, то бойцы из ВМО были очень похожи на махновцев. И пусть наши анархисты из обоза никогда не сбрасывали каких-то там красных и белых с коней и со счетов, зато все они от первого до тринадцатого солдата были такими же свободными (насколько это было возможно), как и хлопцы батьки Махно. А комбат второго мотострелкового батальона так ни разу и не назвал чертову дюжину махновцами. Ни разу,

¹ ГАЗ-66 (арм. сленг).

вот вам крест! Автор полгода служил в хозбанде, между Юрой Питерским и Колобком на разводах стоял и слышался в адрес родного ВМО всякого, но заветного слова «махновцы» от Джалилова так и не дождался. Теперь историческая справедливость восстановлена. Все — проехали! И поехали дальше.

ГЛАВА 3

Минуло два месяца...

Рядовой Герц, горожанин, заметно сдал, но не сдался, хотя очень устал от недосыпаний, недоеданий, избиений, издевательств, унижений, занятий, нарядов, работ, приказов, людей и даже от самой усталости.

Тяжелые условия службы повлияли на сильное переутомление солдата лишь отчасти. Он был крепким парнем, только не как тот вековой дуб, который никогда не поклонится урагану и в какой-то момент разгула стихии может оказаться вывороченным из почвы прямо с корнем. Нет, не на дуб, а на тот гибкий саженец березки походил Герц, который под порывами сильного ветра всегда прикинется к земле, но сломаться — не сломается, вырваться — не вырвется.

Устал Герц в большой степени по собственной вине. Его вымотали наблюдения за людьми, характеры которых он стремился постичь в совершенстве, чтобы не нажить врагов, приобрести друзей и быть на хорошем счету в батарее. В течение двух месяцев он детально изучал поведение солдат в разных ситуациях, выявлял сильные и слабые стороны товарищей и как бы невзначай расспрашивал сослуживцев обо всем на свете. Фейерверкеры как бы превратились для него в живые книги, которые он за неимением времени решил проглотить залпом, можно сказать, артиллерийским. За короткий срок вся батарея оказалась в голове парня, как когда-то Иона в чреве у кита. Так как все произведения, названные для удобства по фамилиям сослуживцев по типу «Обломов», «Рудин» и т. д., — проглатывались быстро и одновременно, Герц после прочтения не мог пересказать ни одного сюжета, но его это нисколько не удручало. В первоочередную задачу книголюба входило усвоение главных идей пятидесяти живущих с ним рядом произведений, и он с этой задачей, как ему казалось, полностью справился. Что ж — всякий литературный герой имеет право на свою точку зрения, за которую мы не несем никакой ответственности. Автор же считает, что плод его воображения справился с поставленной целью только наполовину. Почему наполовину? Во-первых, не-

которые книги были нашим героем прочитаны, но не поняты или поняты неверно. Во-вторых, кое-кто из бойцов включал в себя два тома, а не один, как мнилось Герцу. В-третьих, иногда парень читал фальшивки, грамотно выдаваемые за правду. В-четвертых, абсолютно все солдаты продолжали жить и, стало быть, писаться дальше; при этом сюжетные линии книголюдей из-за ежедневных превратностей армейской службы порой совершали такие крутые повороты, в которые не вошел бы и гонщик Шумахер, а не то что солдат Герц. Несмотря на все это, за прошедшие два месяца службы книголюбя понял о сослуживцах очень многое, потому что даже скучные или не стоившие внимания произведения он читал с интересом, стараясь разглядеть факт эпохального значения даже за ненавистью одного из батарейцев к запаху опаленной свиной щетины. Герцу казалось, что абсолютно от каждого данного напрямую зависит его выживание. Напряженно читая и размышляя над прочитанным, парень не мог нарадоваться на то обстоятельство, что, слава богу, в батарее в основном служили простые ребята, представлявшие собой бесхитростные рассказы, которые он не только легко понял, но и полюбил. Попадались ему и плохие романы, и хорошие миниатюры, и веселые повести, и грустные новеллы, и всякая чушь вроде справки из психиатрической клиники, повестки в суд или телефонного справочника, словом, чего только не попадалось.

Наблюдения, опросы и эксперименты, скрытно проводимые Герцем в батарее, приносили свои плоды — пусть пока незрелые, но обещавшие со временем дозреть до глубокого понимания духовной организации сослуживцев. Парень не сомневался, что рано или поздно он проникнет в сердцевину всех товарищей без исключения и на основе тонкого, как просфора, психоанализа построит с ними нормальные отношения и заслужит уважение. Суровые условия службы во многом облегчали ему работу; истинная сущность людей, ежечасно попадавших в тяжелые ситуации, вскрывалась так же быстро, как труп под ножом опытного патологоанатома. Психоанализ плюс выработка оптимальной линии поведения для батареи в целом и для каждого солдата в отдельности — вот два кита, на которые сделал ставку Герц, потому что ничем другим взять бы не смог. Он ничего не умел и был плохо приспособлен к жизни. Парень не обладал геркулесовой силой, не владел практическими навыками и умениями, не блистал на занятиях по военному делу, поэтому с первых дней службы стал рассчитывать только на свой ум. План Герца по нахождению подхода к товарищам

работал, но сама работа выматывала так, что ему казалось, что он разгружает мозгами вагоны с цементом. Парень устал от тонкой дипломатии и виртуозного лавирования.

«Склеиваюсь, — все чаще стал думать Герц. — Если не выплусь хорошенько, то скоро моя независимость перерастет в заносчивость, общительность — в назойливость, подчинение — в угождение и заискивание, беспристрастность — в отчужденность... Выспаться... Надо выспаться».

Рядовой Павлушкин, деревенский парень и сосед рядового Герца по тумбочке, тоже устал, но как-то приятно; так устаёт сельский труженик во время сенокосной страды, по окончании которой он твердо уверен в том, что его корова протянет зиму, а значит, семья будет с молоком.

Тяжелые условия службы почти не повлияли на физически крепкого и морально здорового Павлушкина. В отличие от Герца, он вообще не думал о том, как бы приспособиться к новым условиям, а сразу стал жить мужиком. Понятие «мужик» Павлушкин заимствовал у знакомых деревенских парней, отсидевших в зоне. С первых дней службы парень не водился со слабыми, с достоинством прогибался под сильных и старался сохранять по отношению к товарищам дружелюбную независимость. Как деревенская лошадь, не знающая другой жизни, кроме однообразного и тяжелого труда, без особой радости, но и без какой бы то ни было грусти впрягся Павлушкин в телегу воинской службы и потащил ее к дембелю.

Устал Павлушкин из-за того, что его стали нагружать дополнительно. На личную просьбу какого-нибудь сержанта сделать что-нибудь Павлушкин отвечал коротко: «Это можем». Парень действительно умел делать многое, а если что-то и не умел, то все равно с каким-то веселым азартом брался за незнакомую работу и выполнял ее на редкость качественно, разве что иногда с отяжкой по времени. С каждым днем заказов становилось все больше и больше, а рук у Павлушкина не прибавлялось. Парень долго думал, как бы справиться с ситуацией, и в конечном итоге пришел к выводу, что надо набрать себе подмастерьев. Помощников он, однако, не взял. Взвесив все за и против, Павлушкин сказал сам себе: «Время на обучение только потрачу. Одни будут тупые. Другие сделают вид, что тупые; кому охота дополнительно вкалывать. Третьи научатся, но станут делать работу, как не для себя». Не успокоившись, Павлушкин даже немного посердился в душе на еще несуществующих других, которые будут делать вид, что они тупые. Третьих же, которые, выучившись ремеслу, станут делать работу как не

для себя, парень мысленно покрыл матом так, как покрывают овцематок кастрированные бараны — с мучительным удовольствием и без последствий. Пришедши к выводу, что набирать подмастерьев не стоит по определению и что количество рук нельзя увеличить по природе, парень решил, что выход из сложившейся ситуации можно найти в продлении дня за счет ночи. Сержанты были не против продленки, и Павлушкин стал работать всякую сапожную, портняжную, столярную и прочую работу после отбоя. Шестичасовых и четырехчасовых огрызков положенного восьмичасового сна курсанту вполне хватало, пока сержанты не обнаглели. Не скупясь на похвалы, они разрекламировали Павлушкина на всю бригаду и стали брать плату за сделанную им работу в соответствии с затраченными на раскрутку языковыми средствами. Цены на изделия и ремонт «От Павлушкина» росли не по дням, а по часам. Через три-четыре недели после начала рекламной кампании один из заказчиков осмелился сказать, что с него дерут немилосердно, на что сержант Кузельцов резонно возразил: «Не только за качественную работу платить надо, за бренд тоже; так теперь везде». Заказчик хотел было возразить, что бренду всего-то около месяца от роду, но Кузельцов опередил: «Раньше клиента затравливали, марку раскручивали, а сейчас не надо. Валом заказы прут. Бренду восемнадцать лет, мы выкупили его у гражданки». На этом разговор и закончился.

От вала заказов, близкого к девятому, Павлушкин перестал справляться. Его начали бить. Чтобы выправить ситуацию, он стал лавировать. Однако маневры не помогли. От напора на количество сделанной работы проигрывало качество, и на оборот.

«Так-то ниче вроде, но не доеду до дембеля, если сутки через двое на износ вкалывать буду, — стал подумывать Павлушкин. — Выспаться бы. Неделю нормально посплю — и выведу».

Положенного восьмичасового сна первое отделение артвзвода лишилось неделю назад, потому что командир этого отделения, сержант Кузельцов, заболел бессонницей, и эта зараза, словно упавшее на поле боя знамя, сразу была подхвачена всеми его непосредственными подчиненными, не исключая посредственных: слабосильного Семенова и забитого Календарева. Страшный недуг не уложил заболевших солдат в постели, а, напротив, в продолжение целой недели поднимал их с коек сразу после отбоя — поднимал, вводил в курилку и заставлял беседовать с сержантом до самого утра. Болезнь точно приняла бы характер эпидемии, если бы Кузельцов был

дедом, который в армейской иерархии является чем-то вроде Великого Князя. Но сержант был черпаком, то есть удельным князьком, имеющим право хозяйствовать только в своих владениях.

— Достал, блин, — мотнув головой в сторону сержанта Кузельцова, тихо обратился Павлушкин к Герцу за обедом.

— И меня достала это бдительность неусыпная. Мы с ног валимся, а ему хоть бы хны.

— Не о том я. Снотворное, говорю, достал.

— Иди ты.

— В натуре говорю.

— Доза?

— Лошадиная.

— Не убить бы.

— Куча народа только спасибо скажет.

— Мать его не скажет.

— Ладно, не бойсь. Передоза не сделаю. Пускай живет и лямку тянет, гнида такая.

— Да, пусть живет. Ему тоже тут не сахар. Взводный ему регулярно лицо поправляет.

— Герц, я как с бабой пересплю, когда взводный его долбит.

— А я тебе даже не скажу, какие у меня ощущения, когда он в замес попадает... Но вообще-то Кузельцов справедливый.

— Вообще-то да... Жесткий, но справедливый. Армейка — не детсад.

— Он раб системы, Павлуха. Как и мы с тобой. Нагнали пацанов со всея Руси. Наглых, жадных, веселых, добрых, скучных, грустных, дерзких, умных, глупых, всяких. Даже страшно, каких всяких. И всех надо заставить подчиняться. Самый простой способ — насилие. На другие способы у сержантов нет времени.

Кто бы мог подумать, что два молодых артиллериста, Павлушкин и Герц, станут героями России, единственной наградой которых станет полноценный восьмичасовой сон. Между тем это было так. Они не взяли занятую противником господствующую высоту, зато взяли и подсыпали снотворное собственному сержанту и тем самым спасли трех товарищей по отделению от разных напастей: рядового Семенова — от самоубийства, рядового Куулара — от убийства, рядового Календарева — от самовольного оставления части.

Кузельцов уснул не сразу. Пятнадцать минут он зевал, открывая рот, как бегемот. Долгожданная вялость, разлившаяся по телу, привела сержанта в благостное расположение духа, и он не преминул поделиться хорошим настроением с беднягой Семеновым, лежавшим на соседней койке.

— Сосед, — позвал Кузельцов.

— Я, товарищ сержант, — захлопал глазами Семенов.

— Спишь?

— Так точно.

— Че врешь? Кто со мной тогда базарит, если спишь?

— Так я это...

— Упор лежа принять, — вяло перебил Кузельцов.

— Есть, — вздохнул Семенов.

Пока Семенов отжимался рядом с кроватью, Кузельцов разговаривал с ним, как добрый барин с крепостным.

— Ну и дауны вы у меня, — сокрушался сержант. — У всех духи как духи, от вас же никакой пользы, убытки одни.

— Мы стараемся, — приняв позу тюленя и преданно округлив глаза, подобострастно произнес Семенов.

— Отжимайся давай, старатель. Стараются они. Вон у Ахминеева — те стараются, а вам бы только пожрать да поспать.

— Товарищ сержант, да вы для нас. Вы только скажите, а мы уж...

— Скажи еще, что горы свернете.

— И свернем, и свернем, товарищ сержант.

— Шею, смотрите, не сверните... Звания выучил?

— Так точно.

— Кто после сержанта идет?

— Товарищ старший лейтенант.

— Попробуй еще.

— Товарищ младший прапорщик.

— Последняя попытка.

— Сейчас, сейчас, сейчас, — затягивал время Семенов, разрываясь между старшиной и майором. — Сержант, а за ним, за ним...

— Ну кто?! Кто?! — не вытерпел Кузельцов, и переживание за знания подчиненного промелькнуло в его голосе.

— За сержантом обязательно кто-то идет, — затараторил Семенов, не забывая скрашивать свою забывчивость высокой скоростью и качеством отжиманий. — Нельзя, чтоб за ним никого не было. Это же не генерал какой-нибудь. Сейчас, сейчас, сейчас...

— Старший сержант, даун, — оборвал Кузельцов.

— Не подсказывайте! — замерев и выпучив глаза, испуганно зашептал Семенов. — Я сам знаю, что за сержантом идет старший сержант! Старший сержант Саркисян! Замкомвзвода! И он не даун! Он ваш лучший друг!

— Да ты совсем страх потерял, душара.

Кузельцов сел на кровать и стал охаживать Семенову тапкой по голове.

В это время через проход между кроватями шепотом переговаривались Герц и Павлушкин.

— Не спит, — сказал Павлушкин. — Семенова опять дробит.

— Я двенадцать зевков насчитал, — ответил Герц. — Зря старались, наверное.

— Не ссы. Скоро уже. Доза лошадиная.

— Кузельцов тоже вроде немаленький.

— Не ссы, говорю.

— Семенова жаль, Павлуха... Впрячься¹ за него, что ли?

Герцу совсем не было жаль Семенова. Он просто сказал то, что считалось правильным в общечеловеческом понимании. Его решительности действительно хватило бы на то, чтобы заступиться за товарища. Он не вмешался, но все-таки если бы так случилось, то в этом поступке была бы львиная доля эгоизма по следующей причине. Глубокая и широкая душа Герца, похожая на реку Волгу, под воздействием безнравственной среды часто мелела и заиливалась. Это приводило к ухудшению не только морального, но и физического состояния. В очередной раз сделать такую нематериальную субстанцию, как душа, глубокой и широкой, поднять, так сказать, уровень воды в ней до привычной отметки для улучшения собственного самочувствия можно было только одним способом — совершением хорошего поступка. Так и действовал парень. Действовал и переживал, что за внешней чистотой его поступков стоит внутренняя грязь, за альтруизмом — меркантильность. Переживал и успокаивал себя: «Хоть так, другие так вообще никак». Армия переместила работу курсанта над внутренним «я» в еще более мерзкую для него область. Например, в случае с Семеновым парень с отвращением ощутил, что он уже не столько хочет восстановить силу души, сколько желает вырасти в глазах батареи. Но даже не это было самым страшным для Герца. Самым страшным было то, что он собирался вмешаться лишь наполовину — другими словами, не накинуться на Кузельцова с кулаками, а хоть и твердо, но с уважением в голосе (нет, с завуалированным подобострастием!) попросить истязателя оставить беднягу в покое. Это для Герца. Для автора, который знает своего героя как облупленного, самым страшным было другое. В неосвещенных уголках души, в которые Герц боялся заглянуть даже с факелом, он оправдывал насилие по отношению к себе и к другим по всем статьям. Только поэтому

и не вмешался на самом деле. «Чтобы обабившийся мужчина поднялся на прежние высоты, ему необходимо переступить через свою и чужую боль. Как на войне. А на войне как на войне» — вот что увидел автор, посветив фонариком там, где следует.

— А мне не жаль, — честно ответил Павлушкин и стал объяснять Герцу очевидное для обоих: — Семенов сам тупит, два месяца звания выучить не может. Между прочим, из-за этого дневальным не он заступает, а ты. Ты же знаешь че-кого, кому на тумбе «смирно» кричать, кого на хер посылать, а Семенов прапора от унитаза отличить не может. Кузельцов его не грохнет, поучит жизни децл² — и все. Если че, Кузельцов сейчас вообще отрубится, и спи спокойно, Семенов.

— Все-таки нельзя так, — из самолюбивого упрямства не сдавался Герц, прекрасно понимая, что товарищ прав. — Нельзя, слышишь? Нельзя, чтоб...

— Осади!³ — резко зависнув над проходом между кроватями, зло перебил Павлушкин. — Ты кого из себя строишь? Запихай свое героство в одно место. Сержик⁴ отрубится сейчас, а этот в герои лезет. Давай, давай — подставь всех!

Кузельцов услышал разговоры в отделении. Он прервал экзекуцию над Семеновым и швырнул тапку наугад. Традиционно не повезло курсанту Попову, который внешностью и походкой изрядно смахивал на киношного Робокота. Парень вообще был странным. Им целиком и полностью владели две, казалось бы, несовместимые страсти: компьютеры и свиньи. Между тем все объяснялось просто. Когда Попову было восемь лет, его родители развелись. «Уматывай в деревню к своей мамаше!» — крикнул отец напоследок. Мать тихо молвила в ответ: «Че ж делать — поеду. Оставайся в городе, твоя ж квартира, а Ванюшку я с собой забираю. Он тебя часто навещать будет, сыну без отца нельзя». Обожая мать, мальчик с первого дня в селе стал заботиться о ней через ухаживание за единственным источником их семейного дохода — свиньями. Презируя отца, Ванюша начал игнорировать его через круглосуточное сидение перед монитором с первого же гостевого выезда в город. Прошло десять лет, и любовь к матери стала неотделимой от свиней, ненависть к отцу — от компьютера. Ну да мы отвлеклись. Тапка с лету наступила Попову на щеку, раздавила на ней парочку прыщей — свидетелей затянувшегося

² Немного (сленг).

³ Успокоиться (сленг).

⁴ Сержант (арм. сленг).

¹ Заступить (сленг).

ся переходного возраста, — и виновато юркнула за козырек чей-то кровати. Правая половина лица курсанта загорелась, но он и бровью не повел. Попов притворился убитым наповал, по опыту зная, что сержант не любит раненых и всегда добивает их второй тапкой.

— Кто базарил? — задал вопрос Кузельцов.

Тишина...

— Я спрашиваю, кто базарил?

Было слышно, как в углу казармы паук плетет паутинку...

— Последний раз спрашиваю.

Перхоть, посыпавшаяся на подушку с головы замкомвзвода Котлярова, произвела грохот, подобный камнепаду...

— Я ща все отделение подниму и начну выбивать показания.

Какая-то молекула шарахнулась с плинтуса на пол и наделала много шума...

— С этого дня не жрете, не спите, не курите.

Курсанты первого отделения артвзвода впервые в жизни явственно услышали голоса совести Павлушкина и Герца. Голоса были натурально бабскими...

— Ну все, обезьяны! В отличие от других, я никогда не тянул с вас деньги. Забыли. Через три дня каждый приносит мне по косарю¹. Можете рожать кассу² скопом, можете по отдельности. Мне все равно. Не успеете в срок — включаю счетчик.

Голоса совести Герца и Павлушкина начали ломаться и грубеть...

— Это я говорил, — поднявшись с кровати, произнес Герц.

— Это самое, — замялся Павлушкин. — В общем, мы вдвоем, товарищ сержант.

Кузельцов удовлетворенно зевнул. Через три секунды рядовые стояли перед сержантом. Несмотря на то, что все трое были одеты в одинаковое армейское нательное белье — белуху, — не составляло никакого труда определить, кто здесь дух, а кто — черпак. Кальсоны и рубашка Кузельцова были того кипенно-белого цвета, который можно смело помещать под стеклянный колпак как эталон. Всякая солдатская вошь обходила стороной нательное белье командира первого отделения артвзвода, чтобы не ослепнуть от белизны и не задохнуться от чистоты. На белухе, плотно облежавшей фигуру сержанта, не было ни одной незапланированной складки. Если же таковая появлялась, то она сразу самоуничтожалась, чтобы не портить собой окружающий мир, в котором в

мизерном количестве имели право водиться только запланированные складки.

Белухи Герца и Павлушкина можно было смело переименовать в грязнухи. После очередной бани, в которой курсантам по заведенным правилам выдали чистые комплекты нательного белья, Герцу досталась краснуха, а Павлушкину — желтуха. Читатель, не волнуйся. Речь не о болезнях. Просто на рубашке Герца, длиной рукавов походившей на свою смирительную сестру, розовели восемь пятен различной величины. Это была обесцвеченная банно-прачечным комбинатом кровь третьей группы отрицательного резус-фактора, принадлежавшая пехотинцу Хрулеву, который отказался стирать носки деду. Кальсоны Павлушкина, напоминавшие то ли полуштаны, то ли недошорты, носили на себе бледно-желтые следы в области паха. Это была плохо отстиранная моча автомобилиста Бирюкова, который невыносимо хотел в туалет, но пост не оставил.

— Вняйсь, смирно, — сонным голосом произнес Кузельцов.

Герц и Павлушкин по команде сержанта предстали перед нами сначала в профиль, потом — в фас. Самое время более подробно описать их внешность и внутренность.

Илья Павлушкин родился в сибирском селе Шушенское, в котором в свое время отбывал сытную ссылку Ленин. Мальчика нарекли Илюшей в честь отца вождя мирового пролетариата, потому что имя Володя было уже занято старшим братом. В отличие от подавляющего большинства своих безразличных к политике сверстников, Павлушкин был убежденным коммунистом с детства. Ему было плевать на КПСС и на КПРФ, он не имел ни малейшего представления об истории и программных положениях этих партий, зато всем сердцем любил Владимира Ильича, который подарил ему и многим маленьким шушенцам счастливое детство. Подарки, сувениры и сладости, которые мать, служащая ленинского музея, таскала с работы, вручались маленькому Илюше со словами: «Нынче делегация приезжала... Это тебе, сыночка, от бабушки Ленина. Вырастешь — будешь коммунистом, как он». Павлушкин жить не мог без улицы с ее играми, проделками и драками. Только кнут и лютый мороз могли загнать его домой вовремя. Учился он плохо, но в одном классе два года не сидел, чтобы быстрее окончить девятилетку и забыть о месте расположения школы.

Что касается внешности Павлушкина, то прихода покумекала и решила, что раз ее дитя будет обитать не в райских кущах, а копаться в навозных кучах, то лицо ему иметь ни к чему. Рожа — вот на

¹ Тысяча (сленг).

² Деньги (арм. сленг).

чем остановилась природа и употребила все силы, чтобы сельхозпродукты, которые произрастали в окрестностях Шушенского, нашли достойное место на голове парня. Там, где у всех растут волосы, у Павлушкина колосилось пшеничное поле; к слову, осенью 2004-го армия собрала рекордный урожай с черепа призывника. Нос у него был, что называется, картошкой. Второй хлеб не раз пытались откусить в деревенских драках, но он, как репка вплоть до прихода мышки, не поддавался, потому что, вероятно, крепко держался какой-нибудь не видной глазу ботвой за щеки, покрашенные под спелый помидор. Вместо подбородка у Павлушкина была массивная огуречная попка, аккуратно отрезанная природой от светло-коричневого семенника. Внизу огуречной попки имелась довольно привлекательная ямка, вероятно, силосная, в которой, правда, ни разу в жизни не заквашивались ни листья, ни стебли, ни прочая питательная для скота чепуха. Однако, при всей своей на первый взгляд ненужности, ямка никогда не зарастала никаким бурьяном, потому что каждое утро трудолюбивый парень прохаживался по ней с какой-то косой. Спрашивается, для чего? Известное дело, читатель. В эту ямку то и дело любили падать особи женского пола, многие из которых вообще падки на всякое мужественное углубле-

ние. На мир Илья глядел не глазами, а зеленым горошком, купавшимся в яичном белке. Вместо ротовой полости у Павлушкина была табачная грядка, удачно перебивавшая запах посаженного рядом с ней лука.

Павлушкин был с ног до головы деревенским. Из поколения в поколение негласные сельские традиции требовали, чтобы парень в молодости пил, куражился, буянил, дрался, шутил, воровал, разбивался на мотоцикле, портил девок и обязательно отслужил в армии. Павлушкин не был ниспровергателем основ и строго следовал деревенским канонам. Нравственность у Павлушкина была хоть и с плесенью, зато вкусная, как голландский сыр с этим микроскопическим грибочком. Если он крал, то делал это не ради наживы, а для адреналина. Если буянил, то не по злобе, а для форсу. Если врал, то красиво и с юмором. Если портил девчонок, то на восемьдесят процентов делал это из желания быть настоящим мужиком, сила и доблесть которого, как говорили все по кругу, во многом заключается в умении доставить удовольствие женщине в интимном плане. В общении по-деревенски открытый и простой Павлушкин был легок и светел, как мыльная опера, и люди любили его. В армию он пошел не для выполнения долга перед Отечеством, а

как и многие его сверстники, чтобы проверить себя. Словом, Павлушкин был веселым плутом с изощренным практическим умом и добрым сердцем.

Александр Герц родился в Красноярске на правом берегу Енисея в семье либеральных рафинированных интеллигентов. В детстве он много времени проводил за книгами и был счастлив от соприкосновения с интересными знаниями и еще более интересными вымыслами. При помощи авторов научной и художественной литературы Герц перебивал всюду и везде, а иными героями и в иных местах даже дважды и трижды. Однако на верность библиотеке он не присягнул, потому что не меньше книг любил футбол, хоккей, казачьи-разбойники, салки и прочие игры на свежем воздухе. Саша общался со сверстниками легко и просто, как перышко графомана с листиком бумаги, но специально встреч с товарищами не искал. Они были ему нужны, скорее, в качестве напарников для игр, чем в качестве друзей. В школе он учился отлично, но иногда устраивал на уроках намеренные провалы, чтобы не прослыть ботаником.

Внешность юного Герца нравилась девушкам с разными, порой диаметрально противоположными вкусами, следовательно, он был не симпатичным и даже не красивым, а универсально прекрасным, как Аполлон. Однако правильным чертам его лица недоставало живости. Безупречному греческому профилю Герца всякому человеку хотелось крикнуть «фас», чтобы хоть желваки, словно прицепленные к скулам собаки, активно забегали туда-сюда. Любая эмоция, которая появлялась на его физиономии, являлась недоношенной, как семимесячный ребенок; в этом плане Герц напоминал Электроника из советского фильма. Выжить эмоциям помогали глаза, смотревшие гордо, правдиво и смело.

Душа и характер Герца были сложными, как сопромат, и противоречивыми, как социалистическая идея и ее последствия. Мысли, которые никому другому и в голову не могли прийти, к нему наведывались часто и, как правило, оставались с ночевкой, чтобы парень за раздумьями не мог заснуть до утра. Нравственность у него была похожа на новенькие брюки мальчишки-сорванца, которые ежедневно мараются, стираются и... не успевают заноситься до дыр, потому что малыш быстро растет и ему требуются новые брюки. Окружающие часто не понимали Герца, упрекали его в излишнем самолюбии, но уважали за тягу к правде и справедливости. В армию он пошел после окончания юридического университета, чтобы

послужить Родине. Словом, Герц был серьезным человеком с глубокими теоретическим умом и рефлексирующим сердцем.

— Задрочу, гондоны, — произнес Кузельцов, потягиваясь и зевая. — На очках¹ сгною.

Герц и Павлушкин тоскливо переглянулись.

— Все что угодно, товарищ сержант, но на очки не пойдем, — решительно сказал Герц.

— Всего-то двумя словами перекинулись, — непринужденно произнес Павлушкин и даже весь как-то просиял, что не одним, товарищ сержант, не тремя, а в аккурат двумя словами мы перекинулись с Герцем, как это, весьма вероятно, и положено по уставу. — Да и по делу ведь, а не просто так. Обсуждали просто с Герцем, чем завтра вас на дежурстве кормить. По батарее ведь закупаем. Герц базарит: «Пельмени сварганим». А я в штыки: «С хрена ли пельмени, когда вареники». Он мне: «Начинка должна быть мясная, а не пюре в тесте». Это Герц так вареники, товарищ сержант, обозвал. Ну не дура ли?

— Оба лупни, — находясь на полпути к сонному царству, пробормотал сержант. — Котлеты. Прощены. Отбой.

Кузельцов уснул. Уснуло и его отделение. Вся батарея дрыхла. И как они это делали! Как кони, читатель! Прямо жаль, что солдаты спали и не могли оценить всю прелесть отдыха. Бойцы-кентавры всхрапывали, портили воздух, некоторые из них даже мочились под себя, как это без малейшего стеснения делают всякие здоровые лошади, а иные ломовые курсанты в сладостном забытьи вообще разбрасывали копыта в стороны и лягали скаковых сержантов, лежавших по соседству.

Герц, однако, уснул не сразу. Сначала он пригласил к себе в голову Павлушкина и свою одухотворенную студенческую подругу Наденьку Снегиреву для мысленного диалога.

— Балабас принесла? — с ходу спросил Герц. — Это еда по-нашему.

— Саша, ведь не хлебом единым, — ответила Наденька с осуждением, увидев, как принесенные ей продукты без пережевываний понеслись в курсантские желудки по горловым желобам со скоростью бобслеистов.

— Правильно, — с набитым ртом выдал Павлушкин. — Конечно, не хлебом единым. Сальца бы еще с прослойками. От круглой картошечки, замаскированной сверху зеленым лучком, тоже не откажусь.

— Я совсем другое подразумевала, мальчики.

¹ Туалет (арм. сленг).

— Котлеты, наверное, — сказал Павлушкин. — Не стоит беспокоиться. Салца бы только для смазки пищевода, а то хлеб застревает.

— Саша, пожалуйста, объясни Илье, что я имею в виду, — произнесла Наденька. — Так же нельзя.

— Никак нельзя, — согласился Герц. — Павлуха прав, что без сала прямо беда.

— Какие же вы все тут, — не выдержала Наденька.

— Неприхотливые, — продолжил Герц и... провалился в сон.

Павлушкин тоже уснул не сразу.

— Ничего вроде денек, средней паршивости сутки, — подводил итоги Илья. — Только зря Семенову сегодня пачку сигарет подогнал. И откуда жалость взялась? Ведь трезвый вроде был. Как стекло. Да потому что он совсем уже оборзел, в толчок ночью сходить боится! И ведь страх-то у него какой-то неоформленный, неконкретный какой-то.

— Чего боишься? — спрашиваю. — Темноты? Чертей? Полевого командира Басаева?

— Не знаю, — отвечает. — Боюсь — и все.

А я знаю?! И все равно иду, провожаю его до сортира, как будто мне больше всех надо его журчание слушать. Боишься срать — не пей. Разбудит в следующий раз — так и скажу:

— Рисуй свой ужас на бумаге, чтоб я его в лицо знал. Если накалякаешь сержанта Литвинова, то ко мне можешь больше не обращаться. При та-

ком раскладе в штаны опорожняйся. Литвина сам боюсь. А если на листе получится какая-нибудь клаустрофобия, то мы ее вместе из наших брандспойтов зальем. Перед отбоем побольше воды выдуем и зальем. На клаустрофобию всего-то литр мочи надо. Герца, если че, подключим. Он мастер по таким заумным словам. Во заливает иногда!

А сигареты Семенову подогнал, потому что он совсем уже офигел, вешаться собрался. Везде, говорит, засада. Жить, говорит, не хочу. Спокойно так сказал, как будто не на тот свет, а в магазин за хлебом собрался. Злость аж взяла. Типа, остальным тут сахар. Тоже мне перец выискался. Все терпят, и ты терпи. Подумаешь, сержант сигареты требует. До чего достало все! Надо же: цена жизни — пачка сигарет. Не бойся, Семенов. Я не я буду, если ценник на тебя не подниму. Завтра сержик скажет тебе достать две пачки — достану, три — достану, пять — со скрипом, но достану, блок — вот тут намыливай веревку, Семенов. Блок сигарет — ничто для гражданки, а для армейки — миллион. Блок — реальная цена за человеческую голову, можно смело вешаться. Может, как до блока дорастем, и духанка кончится. А после духанки вздергиваться уже необязательно. После духанки суицид в основном по глупости или из-за баб. А бабы не подведут, Семенов их и не нюхал. Глупость — другое дело. Тут надо будет за ним присмотреть... Отбой.

Продолжение следует.